

Роман СИЛАНТЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

Станет ли ислам
будущим России?

Роман Силантьев

**Новейшая история
ислама в России**

«Алисторус»

2007

Силантьев Р. А.

Новейшая история ислама в России / Р. А. Силантьев —
«Алисторус», 2007

ISBN 5-9265-0322-4

Ислам тяжело болен и находится на закате своей полуторатысячелетней истории – таков основной вывод, который можно сделать из книги, ставшего в одночасье известным всей России, автора. Громкий скандал, разгоревшийся между исламской и христианской общинами России после выхода книги Романа Силантьева «Новейшая история ислама», похоже, принес ей дополнительную рекламу. Однако, несмотря на все драматические перипетии вокруг нее, эта книга написана автором, хорошо знающим тему, на добротном научном материале, и, потому, будет без сомнения полезна всем, кто занимается изучением религии и философии.

ISBN 5-9265-0322-4

© Силантьев Р. А., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Введение	5
Краткий экскурс в досоветскую и советскую историю исламского сообщества России	11
Часть I	18
Глава I	19
1. Начало раскола северокавказской уммы – свержение председателя ДУМСК муфтия Махмуда Геккиева	19
2. Углубление раскола в Дагестане – драматические события июня 1991 года	22
3. Распространение раскола на другие республики Северного Кавказа – возникновение альтернативных духовных центров в Чечне и Карачаево-Черкесии	23
4. Исламское возрождение татаро-башкирской уммы – появление первых симптомов надвигающегося раскола	25
5. Начало автономизации региональных мусульманских общин – восстановление института мухтасибатов	27
Глава II	29
1. Начало раскола ДУМЕС – летний кризис 1992 года	29
2. Развитие раскола ДУМЕС – консолидация противников муфтия Талгата Таджуддина	32
3. Новая попытка переворота в ЦДУМ – осенний кризис 1994 года	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роман Анатольевич Силантьев

Новейшая история ислама в России

Введение

Никогда за всю свою тысячелетнюю историю мусульманское сообщество России не переживало столько знаменательных событий, сколько пришлось на его долю за последние 20 лет. Крах господствовавшей в Советском Союзе безбожной идеологии вызвал необычайно мощный всплеск активности приверженцев ислама, ставших стремительно восстанавливать утраченные было позиции. За короткое время количество мечетей возросло более чем в 100 раз, открылись десятки средних и высших медресе, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации – печатные, радиоэлектронные и сетевые. Мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать на хадж.

К сожалению, процесс исламского возрождения был в значительной мере омрачен прогрессирующим расколом духовных управлений мусульман (ДУМ), приведший к появлению десятков враждующих между собой муфтиятов. Россия вышла на первое место в мире по количеству высших духовных лидеров суннитского ислама – муфтиев. Раздробленность российской уммы и отсутствие общепризнанных религиозных авторитетов способствовали развитию межэтнических и внутрирелигиозных конфликтов, равно как и позволили манипулировать исламом для прикрытия политических и коммерческих интересов многочисленных «групп влияния».

За прошедшее десятилетие исламское сообщество России потеряло даже видимость единства. Попытки воссоединения российских мусульман приводили только к новым расколам и разделением. Значительные силы основных соперников на мусульманском поле – Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ) и Совета муфтиев России уходили на междоусобную борьбу, чем активно пользовались эмиссары нетрадиционных для России течений ислама, стремительно распространявшие свое влияние. Из-за своей раздробленности российский ислам до сих пор не занимает надлежащей ниши в российском обществе, а его лидеры не обладают подобающим влиянием. Более того, сам институт муфтиятов находится сейчас под угрозой уничтожения.

По сути, новейшая история исламского сообщества России стала историей возрождения и раскола. Однако если история исламского возрождения в некоторой мере отражена в трудах отечественных и зарубежных исламоведов, то тему раскола затрагивают в основном полемические статьи в ненаучных печатных изданиях и веб-сайтах. Необходимость в систематизации процессов, идущих в российской умме, назрела уже давно, однако специфика современного российского исламоведения заключается в том, что при хорошей изученности зарубежной и отечественной «доперестроечной» истории ислама, новейшая история и география исламского сообщества России практически выпадают из поля зрения ученых.

Из комплексных фундаментальных работ, затрагивающих эту весьма актуальную тему, можно отметить лишь труды отечественного исламоведа А.В.Малашенко «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996) и «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), а также небольшое число справочников и сборников статей. Во многом это связано с тем, что исламское сообщество России пока остается ареной борьбы между соперничающими религиозными центрами, которые стремятся приукрасить данные о своем влиянии и интерпретируют происходящие события в первую очередь исходя из пропагандистских соображений. Достоверную информацию по реальному влиянию той или иной мусульманской структуры можно получить лишь путем полевых и архивных исследований, а также анализа как можно большего числа

материалов средств массовой информации (далее – СМИ), что обычно сопряжено со значительными техническими трудностями. Большинству исследователей остается лишь критически осмысливать сопровождающие информационные войны пристрастные аналитические и публицистические статьи, интервью и телепередачи. Часто им это не удается – и тогда даже в серьезных изданиях появляются откровенные мифы о «30 миллионах российских мусульман», «мусульманских республиках Адыгея и Северная Осетия», «5 тысячах дагестанских мечетей» или «главном муфтии России Равиле Гайнутдине». Особенно страдают «доверчивостью» зарубежные источники, из-за чего их научная ценность крайне невелика.

В связи с вышеизложенным очевидно, что комплексное изучение новейшей истории является достаточно важной задачей, решение которой позволит лучше понять те негативные моменты, которые сопровождали становление современной географии исламских структур, и создаст необходимые предпосылки для профессионального анализа феноменов политической гиперактивности мусульман России и быстрого распространения в нашей стране так называемого ваххабизма – проблем, интересующих уже не только исламоведов, но и этнологов, социологов, политологов. Настоящая работа ставит своей целью комплексное исследование этой темы, до сих пор недостаточно изученной в российском исламоведении. Для этого систематически анализируется религиозная и политическая история исламского сообщества России за период с 1989 по 2006 год; определяется, какую роль сыграли личностные, этнические, политические, финансовые и религиозные факторы в расколе российской уммы, а также дается представление об общей картине современной географии сфер влияния мусульманских структур России¹.

Конечно, у автора существовали определенные сомнения, стоит ли ему, православному христианину по вероисповеданию, освещать столь деликатный вопрос. К сожалению, острая дискуссия, сопровождавшая выход первой версии данного исследования – монографии «Новейшая история исламского сообщества России», подтвердила его опасения. Тем не менее изучать эту область необходимо. Автор хотел бы особо подчеркнуть, что в аналитических разделах выражает только свою собственную точку зрения.

Технические сведения о работе

Принятая терминология. При подготовке книги автор старался не вводить новых терминов, однако даже общеизвестные современные понятия исламоведения и политологии зачастую имеют несколько значений, нуждающихся в пояснении. Так, используемый здесь термин «этнический мусульманин» серьезно критикуется многими учеными, однако отказаться от его употребления не представляется возможным – более удачного определения для человека, относящегося к преимущественно мусульманскому народу, еще не предложено. В данном контексте допустимо также употреблять несколько громоздкую конструкцию «человек мусульманской культуры».

Под «мусульманским сообществом» («исламским сообществом») здесь понимается организованная либо неорганизованная территориальная общность мусульман любой численности и национального состава. Такое же значение имеет арабское слово «умма» (община). Отдельная организованная мусульманская община традиционной направленности может называться арабским словом «махалля» (приход)², нетрадиционной – арабским словом «джамаат» (союз). В то же время употребление сугубо христианского понятия «конфессия» по отношению к направлениям ислама либо его организациям видится нецелесообразным. Также следует различать межрелигиозный диалог (диалог между различными религиозными традициями) и диалог межконфессиональный (диалог между христианскими течениями).

Случившееся вследствие целого ряда причин разделение мусульманского сообщества России на многочисленные группы обозначается в работе как «раскол». Этот христианский по сути термин, ассоциирующийся в первую очередь со старообрядческим расколом, вполне может употребляться и по отношению к мусульманам, которые сами его нередко используют. Процессы развития раскола можно определить как дезинтеграционные или центробежные, а его преодоления – соответственно как интеграционные и центростремительные.

Ученые, политики, журналисты и мусульманские лидеры зачастую совершенно по-разному толкуют понятие «ваххабизм», а то и вовсе выступают против его употребления. Одни утверждают, что ваххабизм – это религиозное течение, основанное в XVIII веке саудовским религиозным деятелем Мухаммедом аль-Ваххабом, по своей сути экстремистское и террористическое, другие считают его сугубо положительным явлением и «нормальной реакцией мусульман на неспособность центральной и местной властей решить их проблемы», однако для российского обывателя это слово ассоциируется именно с терроризмом. Спор о ваххабизме, периодически обостряющийся в связи с попытками его запрета, может продолжаться еще долго, однако попытки обелить этот термин видятся тщетными – в русском языке он прочно вошел в перечень негативных «измов» наряду с фашизмом, нацизмом и антисемитизмом.

Таким образом, видится вполне оправданным употреблять термин «ваххабизм» для общего обозначения любой экстремистской идеологии мусульманского происхождения на территории России. Следует отметить, что последователи этого течения обычно называют себя салафитами или ревнителями «саф ислама» (чистого ислама).

Источники исследования

Полевые исследования. В связи с недостаточной надежностью большинства источников информации по рассматриваемым вопросам ключевую роль в сборе достоверных сведений сыграли полевые исследования. В период с сентября 1998 по июль 2006 года автор провел такие исследования в 71 субъекте Российской Федерации: Республиках Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Чечня; Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском и Хабаровском краях, Астраханской, Амурской, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Курганской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Мурманской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Томской, Тюменской, Челябинской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской, Читинской и Ярославской областях, Агинском Бурятском, Усть-Ордынском Бурятском и Коми-Пермяцком автономных округах, Москве и Санкт-Петербурге. В ходе исследований было опрошено более 700 информаторов, преимущественно мусульманских лидеров, сотрудников региональных администраций и правоохранительных органов, ученых и журналистов.

Архивные данные. Другим важным источником достоверной информации стали архивы мусульманских централизованных организаций, государственных структур, научно-исследовательских центров. Наиболее детальная работа была проведена в архивах Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России, Регионального духовного управления мусульман Пермской области, Духовного управления мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Казанского муфтията, Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики, Духовного центра мусульман Республики Ингушетия, Отдела

внешних церковных связей Московского Патриархата, Министерства РФ по делам Федерации, национальной и миграционной политики (ныне расформированного), Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Дагестан, Совета по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан, Комитета по делам религий Республики Башкортостан, Отдела по связям с религиозными организациями Администрации Челябинской области, Отдела по связям с религиозными организациями Администрации Астраханской области и Комитета по национальной и религиозной политике Тюменской области.

К сожалению, изученные архивы не являются систематизированными и общедоступными, поэтому большинство необходимых для написания работы материалов было скопировано и в настоящий момент хранится в личном архиве автора.

Монографии и сборники статей. Основными в этой категории использованных материалов стали работы С.Б.Филатова, объединенные в «Атлас современной религиозной жизни России» (М., 2005), книги А.В.Малашенко «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998) и «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), статьи из тематических сборников, подготовленных Московским центром Карнеги³, а также посвященные религиозной тематике комплексные справочные издания.

Упомянутые материалы позволили достоверно охарактеризовать основные этапы истории мусульманского сообщества России до 1989 года. Наряду с работами А.В.Малашенко наиболее значимыми в этом отношении стали труды Р.Г.Ланды «Ислам в истории России» М., 1995) и А.Б.Юнусовой «Ислам в Башкортостане» (Уфа, 1999). Определенные аспекты досоветской истории российского ислама корректно освещены в энциклопедии «Ислам на территории бывшей Российской империи» (М., 1998–1999) и ряде других трудов⁴.

Тему раскола российской уммы затрагивают только монография А.В.Малашенко «Исламское возрождение в современной России» (М., 1997) и «Атлас современной религиозной жизни России». Частично она рассматривается также в фундаментальных работах А.Б.Юнусовой «Ислам в Башкортостане» (Уфа, 1997), Л.Ю.Браславского «Ислам в Чувашии» (Чебоксары, 1997) и Валиуллы Якупова «Ислам в Татарстане в 1990-е годы» (Казань, 2005), однако эти исследования посвящены конкретным региональным мусульманским сообществам и мало затрагивают общий ход дезинтеграционных процессов. Проблемы радикального и политического ислама в России удачно отражены в работах российского исламоведа И.П.Добаева⁵. В целом же наибольшей научной ценностью, по мнению автора, обладают работы А.Б.Юнусовой, В.Якупова, С.Б.Филатова, Р.Г.Ланды и И.П.Добаева.

Была использована и справочная литература: энциклопедии, словари, а также материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года и Всероссийской переписи населения 2002 года, позволившие достоверно отразить этническую и религиозную картину исламского сообщества России⁶; справочники, показывающие религиозную ситуацию в конкретных регионах; справочные работы, акцентирующие внимание на административно-территориальной структуре российского ислама, и, наконец, справочные издания, посвященные политическим и общественным организациям⁷. Информация, приведенная в изданиях последней группы, позволила уточнить данные по ведущим мусульманским партиям.

Некоторые темы позволили осветить труды мусульманских авторов, затрагивающих самый широкий спектр вопросов. Среди них наиболее информативными оказались печатные издания духовных управлений мусульман⁸, опубликованные материалы мусульманских съездов и конференций⁹, работы мусульманских религиозных лидеров¹⁰, сочинения идеологов салафизма¹¹. Заметная часть источников посвящена проблемам ваххабизма и суфизма¹², а также некоторым иным темам¹³.

Материалы печатных и радиоэлектронных СМИ. Современные компьютерные технологии уже позволяют исследователю получить доступ к нескольким тысячам газетных и журнальных публикаций, а также к значительному количеству расшифрованных теле- и радиопередач. Сделанная выборка охватила до 80 процентов материалов центральных и региональных СМИ, а также исламских периодических СМИ. Материалы электронных СМИ представлены расшифровками передач телеканалов ОРТ, РТР, ТВ-6 (ТВС), НТВ, РЕН-ТВ, также некоторых региональных телеканалов; радиостанций «Радио России», «Маяк», «Открытое радио» и «Эхо Москвы». Общее их количество превышает 30 тысяч единиц, однако для ограничения объема в работе приведены ссылки лишь на важнейшие материалы.

Материалы сети Интернет и электронные базы данных. Все собранные в ходе подготовительной работы материалы были объединены в электронную базу данных по современному российскому исламу, позволившую систематизировать полученные данные. В эту базу также интегрированы подборки сообщений агентств «Интерфакс», «ИТАР-ТАСС», «РИА-Новости», «Благовест-инфо», «Регион-инфо» и «Росбалт», а также материалы веб-сайтов «Панорама», «Российский информационный центр», «Грани. ру», «Дедлайн. ру», необходимые материалы всех значимых русскоязычных исламских веб-сайтов и целого ряда других сетевых источников. Наиболее значимые из них приведены в списке литературы.

Отличия работы от монографии «Новейшая история исламского сообщества России»

В основу настоящего исследования положены материалы книги «Новейшая история исламского сообщества России» (М., 2005), значительно дополненные и переработанные.

В новую книгу – «Ислам в России на рубеже тысячелетий. История и политика» – вошли описание общей новейшей истории исламского сообщества России, анализ аспектов его раскола – личностного, финансового, политического, этнического и религиозного, хронология общей новейшей истории, введение и заключение. Данное исследование показывает общую тенденцию развития российского ислама с 1989 по 2006 год, содержит аналитические вставки по каждому ее этапу и подробно описывает причины, приведшие к кризису традиционного ислама. В заключении приводится сводный анализ текущей ситуации и даются вероятные прогнозы ее развития.

Книга снабжена списком литературы, указателями имен и географических названий; текстовыми и черно-белыми графическими иллюстрациями.

Приняв во внимание полученные замечания, автор увеличил аналитический блок, значительно расширил описание аспектов раскола и новейшей истории исламского сообщества России, дополнил приложения и список источников. С помощью текстовых иллюстраций (которых насчитывается более 200) появилась возможность ознакомить читателя с полными версиями ключевых документов, интервью, выступлений, аналитических статей, а также расшифровок теле- и радиопередач.

По просьбе легитимных духовных лидеров российского ислама из текста были исключены моменты, могущие бросить тень на их репутацию. Автор подчеркивает, что приведенные им сведения не призваны нанести урон чьему бы то ни было авторитету, и сожалеет, что ряд недобросовестных мусульманских деятелей предали публичной огласке факты из личной жизни своих оппонентов. С его точки зрения, данный поступок не только лишил их уважения верующих, но и нанес тяжелейший удар по авторитету всего российского ислама.

В целом «Ислам в России на рубеже тысячелетий» является самостоятельным исследованием, которое может быть полезно историкам, этнологам, политологам, исламоведом широ-

кого профиля, социальным географам, чиновникам, социологам, экономистам, культурологам, журналистам, а также всем, кому небезынтересны вопросы национальной безопасности России.

Краткий экскурс в досоветскую и советскую историю исламского сообщества России

Досоветский период истории исламского сообщества России

Даже в свете современных исследований довольно сложно определить тот момент, который можно считать точкой отсчета истории ислама в нашем государстве. Одни исследователи считают, что история ислама в России началась с 642 года, когда первые отряды мусульман дошли до Дербента, другие же полагают, что 922 год – год принятия ислама Волжской Булгарией – является более обоснованной датой¹⁴. Впрочем, любая из этих дат является достаточно условной – полноценное взаимодействие Государства Российского с исламской цивилизацией началось не раньше XV века.

В начале XIV века, во времена правления Узбек-хана, ислам стал государственной религией Золотой Орды, что позволило ему распространиться среди многочисленных тюркских племен от Крыма до Сибири. Орде не были свойственны прозелитические тенденции, и поэтому знакомство Московского государства с исламом происходило в основном путем контактов с приезжающими на службу к великим князьям татарскими дворянами. Так, в 1445 году большой отряд татар во главе с царевичем Касимом из Казанского ханства, получив от Московского великого князя в Мещерской земле особый удел, основал «Касимовское царство» на Оке. Приехавшие сюда мусульмане стали устраиваться так, как им было привычно, постепенно сооружали мечети в русских городах, управляли небольшими мещерскими городами, занимали административные посты. Впоследствии, правда, почти все они крестились¹⁵.

В XVI веке завоевание Казани и Астрахани, покорение Ногайского княжества и Сибирского ханства привело к включению в состав русского государства значительной по численности мусульманской общины. Русские цари относились к мусульманам довольно терпимо и не предпринимали особых усилий для обращения их в христианство, стимулируя смену веры преимущественно экономическими мерами. В то же время на пути исламской миссии ставились жесткие препоны, а миссионерам угрожала смертная казнь за «обрезание» христиан¹⁶. До конца XVIII века существовал также запрет на строительство мечетей в Казанской губернии¹⁷, но, несмотря на это, Россия оставалась самой толерантной к мусульманам христианской страной того времени¹⁸.

Еще более лояльным отношение к мусульманам стало во времена правления Екатерины II. 17 июня 1773 года по ее настоянию был издан указ Святейшего Правительствующего Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам». В тексте указа приводились слова императрицы, которая подчеркивала, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали»¹⁹. Согласно этому судьбоносному документу запрет на строительство мечетей снимался, а рассмотрение любых дел, связанных с лицами мусульманского исповедания, передавалось в юрисдикцию светских властей. Принято считать, что причиной корректировки политики властей по отношению к исламу стало Пугачевское восстание 1773–1775 годов, в котором активное участие приняли поволжские и приуральские мусульмане.

Впоследствии Екатерина II издала еще несколько указов, заметно облегчивших жизнь мусульманам. 22 февраля 1784 года Правительствующий Сенат получил Именной Указ «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства», который наделял мусульман благородного происхождения всеми правами российского дворянства. В конце 1788 и начале 1789 года была издана целая серия законодательных актов следующего содержания: «Об определении Мулл и прочих духовных чинов Магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими» (Именной Указ от 22 сентября 1788 года), «О назначении Муфтия над всеми обитающими в России Магометанского закона людьми» (Именной Указ от 22 сентября 1788 года) и «Об определении в учрежденное в Уфе Духовное Собрание Магометанского закона Секретаря, Канцелярских и прочих служителей, с производением им жалования» (Высочайше подтвержденный доклад Сената от 20 апреля 1789 года). Во главе новообразованного Уфимского Духовного Магометанского закона собрания встал муфтий Мухамеджан Гусейнов (Хусейнов), получивший также титул Первого Ахуна²⁰. В помощь ему были определены «два или три испытанных Муллы из Казанских Татар»²¹. В числе привилегий, предоставленных руководству Духовного собрания, упоминалась возможность для них «покупать порозжие земли у Башкирцев, и заселять оные иноверцами не Христианского исповедания» и «оставить пятничный день свободным от присутствия», т. е. выходным²². Впоследствии мусульманское духовенство стало пользоваться еще большей поддержкой власти²³ и было включено в Табель о рангах²⁴.

С 1789 по 1917 год Духовное собрание несколько раз реорганизовывалось, меняя название, структуру и зону юрисдикции. Так, с 1796 года оно стало именоваться Оренбургским Духовным Магометанского закона собранием, а с 1846 года – Оренбургским Магометанским Духовным собранием (ОМДС). Область юрисдикции ОМДС, первоначально охватывавшая только Оренбургскую губернию и Уфимское наместничество, постепенно распространилась на всю территорию Российской империи, за исключением Таврической области, Кавказа и Средней Азии²⁵. К 1912 году в подчинении ОМДС находилось более 4 тысяч приходов (махалля) и 12 тысяч лиц духовного звания. С 1789 по 1917 год ОМДС возглавляли муфтии Мухамеджан Гусейнов (1789–1824), Габдессалам Габдрахимов (1765–1840), Габдельвахит Сулейманов (1840–1862), Салимгарей Тевкилеев (1865–1885), Мухамедьяр Султанов (1886–1915) и Мухаммад Сафа Баязитов (1915–1917).

23 января 1794 года Екатерина II подписала Именной Указ «О бытии в Таврической области Магометанскому Духовному Правлению под председательством муфтия», однако это Духовное управление было создано лишь в 1831 году, на основании дополнительного указа Николая I. Политику Екатерины II по отношению к исламу продолжил и ее сын. В 1797 году император Павел I указал напечатать в казенной Азиатской Типографии 3600 экземпляров «Алкорана» (Корана) и «разослать для продажи в те Губернии, где населены народы Магометанского вероисповедания»²⁶. Примечательно, что изданные в России Кораны славились своим качеством далеко за ее пределами и получали высокие отзывы европейских востоковедов. С 1800 года были сняты все ограничения на издание мусульманской религиозной литературы²⁷.

С 1805 года стали издаваться указы, призванные упорядочить жизнь мусульман Закавказья²⁸. Первоначально управление ими поручалось ахунду, «имеющему смотрение над всеми муллами», а к 1872 году была выстроена вертикаль власти из двух правлений – Шиитского духовного во главе с шейх-уль-исламом и Суннитского духовного во главе с муфтием²⁹.

25 июля 1810 года в соответствии с манифестом «О разделении Государственных дел на особые управления с означением предметов каждому управлению принадлежащих» курирование исламских вопросов было поручено новообразованному Главному управлению духовных

дел Иностранных исповеданий. Впоследствии Главное управление духовных дел было переименовано в департамент, в 1817 году вошло в состав Министерства духовных дел и народного просвещения, а в 1832 году было передано Министерству внутренних дел³⁰.

К концу первой трети XIX века мусульманское духовенство было окончательно встроено в систему государственного управления. Его представители имели весьма неплохое жалование, могли свободно выезжать на хадж (к середине XIX века число паломников ежегодно составляло 8—10 тыс. человек), строить мечети, основывать медресе и издательства. Со своей стороны, Духовные управления были обязаны жестко следить за моральным обликом духовенства, а также гарантировать его лояльность Государю. Конец XIX и начало XX века часто называют «золотым веком» российского ислама, который в это время стал весьма уважаемым и влиятельным сообществом в масштабах всего исламского мира.

Особое значение российские власти придавали институту военного мусульманского духовенства – полковые муллы служили при многих частях, получая аналогичное полковым священникам жалование (а нередко и большее)³¹, рекруты-мусульмане приносили присягу в мечетях³². С 1845 года должности военных имамов были введены во всех портах Российской империи³³. Ко времени Первой мировой войны мусульманам-военным были предоставлены возможности питаться халяльной пищей и получать приемлемые для них награды – например, сделанный в виде медали Георгиевский крест. Мусульмане служили в гвардейских частях, их дети свободно учились в кадетских корпусах, а из лучших кавказских наездников была сформирована Дикая или Туземная дивизия, в составе которой было 6 полков – Дагестанский, Кабардинский, Чеченский, Ингушский, Черкесский и Татарский общей численностью до полутора тысяч человек³⁴. Следует отметить, что первая мечеть в Москве, ныне именуемая Исторической, была построена в ознаменование подвигов татарских и башкирских полков, доблестно сражавшихся в Отечественной войне 1812 года.

За хорошую службу муфтии и муллы получали те же привилегии, что и представители православного духовенства. Так, известно, что кавказский муфтий Хусейн Гаябов за особые заслуги перед государством был награжден высоким орденом Святого князя Владимира³⁵. Примечательно, что в 2001 году такой же орден был вручен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II председателю Управления мусульман Кавказа шейх-уль-исламу Аллахшукюру Паша-заде.

Политика Российской империи по отношению к исламу была сформулирована в точной фразе из постановления Государственного Совета в 1887 году. «Мусульмане свободны в отправлении своего культа при условии, что это не будет вредить Православной Церкви», – говорилось в нем³⁶.

Во второй половине XIX века в среде Поволжской интеллигенции возникло реформаторское движение джадидизм (от араб. «усул-и-джадид» – новый метод), которое изначально касаясь только области образования, впоследствии затронуло и другие стороны жизни мусульманского сообщества. К 80-м годам XIX века джадидизм оформился в мощное общественно-политическое движение, представители которого требовали реформировать духовное образование, а также призывали развивать науку, просвещение и книгоиздание. Именно джадиды стали в 1905 году инициаторами создания первой мусульманской политической партии – либерально-демократического движения «Иттифакаль-муслимин».

Принятый в 1905 году Закон о веротерпимости мало сказался на жизни мусульман, которые и без него пользовались большой свободой, однако именно в начале XX века им удалось построить мечети в некоторых городах Центральной и Северо-Западной России – Санкт-Петербурге, Твери, Ярославле и Костроме³⁷. С другой стороны, именно принятие этого закона привело к активизации политической жизни российской уммы.

15 августа 1905 года в Нижнем Новгороде на пароходе «Густав Струве» тайно прошел I Всероссийский мусульманский съезд, в котором приняло участие около 120 человек. По итогам съезда был одобрен царский манифест от 6 августа о созыве Думы и принято решение о создании общероссийской организации мусульман. II Всероссийский мусульманский съезд также тайно состоялся в январе 1906 года в Санкт-Петербурге. На нем были приняты решения о создании политической партии «Иттифак-аль-муслимин» и поддержке кадетов на выборах в I Государственную Думу. Ключевым положением платформы «Иттифака» стало требование о предоставлении мусульманским народам России права на самоопределение³⁸. И после 1917 года они получили это право, что привело исламское сообщество к немедленному организационному коллапсу, последствия которого дают о себе знать до сих пор.

В августе 1906 года в Нижнем Новгороде уже вполне легально прошел III Всероссийский мусульманский съезд. В числе прочих документов он принял проект общего управления мусульман России из 13 пунктов. Так, муфтиев предполагалось переименовать в шейх-уль-исламов, а во главе их поставить раис-уль-улема, который бы имел право личного доклада императору о нуждах мусульман. При этом предполагалось также ввести пост шейх-уль-ислама для Туркестана и Семиреченской области и образовать там отдельное духовное правление. Последняя инициатива была воплощена в жизнь уже при советской власти, которая в 1944 году инициировала создание ДУМ Средней Азии и Казахстана³⁹.

3 декабря 1913 года 39 членов Государственной Думы внесли законодательное предложение об учреждении особого духовного управления для мусульман Северного Кавказа «по образцу Закавказского муфтията». Совет министров, приняв во внимание заключение министра внутренних дел, «нашел означенное предложение неприемлемым, как затрагивающего лишь часть поставленного уже Министерством внутренних дел на очередь общего вопроса об упорядочении высшего управления делами магометан в тех местностях Империи, где такового управления не имеется»⁴⁰. В итоге Северокавказский муфтият был создан только в 1944 году.

Советский период истории исламского сообщества России

Октябрьский переворот 1917 года и события, последовавшие за ним, в корне изменили положение исламского сообщества страны. Первое десятилетие существования Советской России, а затем Советского Союза не сопровождалось серьезными притеснениями мусульман, и даже способствовало бурному росту политической активности в мусульманской среде.

Уже в апреле 1917 года в Уфе прошел губернский съезд мусульман, главной целью которого стала подготовка к I Всероссийскому съезду мусульман. На этом съезде, открытие которого состоялось 1 мая 1917 года, было выдвинуто требование об автономии «тюркско-татарских мусульман внутренней России и Сибири» и о создании представительного органа «тюркско-татарской нации» – Милли Меджлиса.

11 мая съезд принял резолюцию об образовании Всероссийского центрального национального совета мусульман (Милли Шуро) с целью координации действий мусульманских народов⁴¹.

На II Всероссийском мусульманском съезде, открывшемся в Казани в июне 1917 года, предложение о создании Милли Меджлиса было воплощено в жизнь. Исполнительным органом новой структуры стал Милли Идара, состоявший из трех ведомств – духовного, финансового и просветительского. При этом функции духовного ведомства были переданы ОМДС, переименованного в Центральное Духовное управление мусульман внутренней России и Сибири. К этому времени его возглавил новоизбранный муфтий Галимджан Баруди⁴².

По мере обострения ситуации в стране, на смену съездам мусульманского духовенства и мирян пришли всероссийские мусульманские военные съезды, на которых ведущую роль

играли уже военнослужащие. I Всероссийский мусульманский военный съезд, созданный по их инициативе, прошел 17–26 июля 1917 года в Казани. На нем было решено создать Всероссийский мусульманский Военный Совет (Харби Шуро) с центром в Казани. В основной резолюции съезда отмечалось, что армия должна быть заменена народной милицией; в противном же случае ее надлежало переформировать по национальному признаку.

8 января 1918 года в Казани открылся II Всероссийский мусульманский военный съезд. Его главной целью стало создание Идель-Уральского (Волжско-Уральского) штата (республики). Провозглашение резолюции об образовании Идель-Уральской республики было назначено на 1 марта 1918 года, однако советская власть пресекла эту инициативу, арестовав наиболее активных членов съезда. 24 марта 1918 года вышел декрет о ликвидации Харби Шуро, а 21 апреля появилось постановление Наркомнаца о фактической ликвидации Милли Идара (из трех его ведомств сохранилось только одно – духовное). Были также распущены все органы, избранные на I съезде мусульман. После разгрома Милли Идара и Харби Шуро российским мусульманам разрешалось проводить только сугубо религиозные съезды с узко ограниченным кругом рассматриваемых вопросов⁴³.

В июле-декабре 1917 года в Оренбурге прошли три Всебашкирских съезды, посвященные преимущественно проблеме формирования башкирской автономии. На третьем съезде (курултае) был принят закон «О религии Башкурдистана», который, в частности, предусматривал создание независимого Башкирского духовного управления мусульман (БДУМ). Формальной причиной создания нового муфтията была объявлена политическая ангажированность Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири (ЦДУМ), однако в действительности образование БДУМ инициировали башкирские общественные деятели, недовольные «татарским засильем» в Уфимском муфтияте.

В течение 5 лет интересы БДУМ и ЦДУМ не пересекались, однако в 1922 году в преддверии II Всероссийского съезда мусульманского духовенства (I съезд прошел в сентябре 1920 года и особых последствий для жизни мусульман не имел) БДУМ попыталось распространить свое влияние на всю Башкирскую АССР (ранее оно действовало только в границах т. н. Малой Башкирии). 10 июня 1923 года – одновременно со II Всероссийским съездом мусульманского духовенства – открылся «духовный съезд представителей населения Башкирии», который принял решение о создании Башкирского центрального духовного управления (ЦДУМ БАССР), ставшего преемником практически бездействовавшего БДУМ. Открытую поддержку этому съезду оказали власти Башкирской АССР, особенно – НКВД БАССР⁴⁴.

Главным же событием II Всероссийского съезда мусульманского духовенства, проведенного 10–21 июня 1923 года в Уфе, стало избрание нового муфтия ЦДУМ вместо умершего Галимджана Баруди. Преемником Баруди стал авторитетный богослов Ризаэтдин Фахреддин (Фахреддинов). Кроме того, съезд утвердил новый устав ЦДУМ., который учитывал те серьезные изменения, которые произошли в жизни российских мусульман с 1917 года⁴⁵.

III Всероссийский съезд мусульманского духовенства, прошедший 6–10 октября 1926 года в Уфе, был посвящен в основном вопросам внешней политики российской уммы. На этом съезде наиболее ярко проявилось соперничество между ЦДУМ РСФСР и ЦДУМ БАССР, искусственно подогреваемое органами советской власти⁴⁶.

1927 год стал годом начала решительной борьбы против ислама: повсеместно были закрыты медресе, коренным образом изменены школьные программы (в их основу был положен принцип атеистического воспитания детей), начали уничтожаться мечети как рассадники «религиозных пережитков прошлого». К 1930 году было закрыто 87 % мухтасибатов, более 70 % мечетей, от 90 до 97 % мулл и муэдзинов лишены возможности осуществлять свою деятельность. Советская власть прилагала все усилия, чтобы ослабить мусульманские структуры, и сознательно разжигала конфликт между ЦДУМ РСФСР и ЦДУМ БАССР. Однако даже перед

лицом общей опасности эти управления не смогли забыть свою вражду и менее чем за десять лет пришли в полный упадок. В 1936 году ЦДУМ БАССР прекратило свое существование, и только Великая Отечественная война спасла от полного исчезновения ЦДУМ РСФСР⁴⁷.

25 октября 1948 года в Уфе открылся IV Всероссийский съезд мусульманского духовенства, по итогам которого ЦДУМ РСФСР было переименовано в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Новый устав муфтията, принятый на том же съезде, лишал его многих полномочий: права выдачи разрешений на открытие новых приходов, образования мухтасибатов, ведения метрических книг, открытия духовных школ и курсов по подготовке служителей культа, организации мероприятий по улучшению материального положения мусульманского духовенства⁴⁸.

К этому времени Уфимский муфтият уже не был единственной централизованной мусульманской организацией в СССР. В 1944 году уцелевшие мусульманские общины республик Северного Кавказа были объединены в ДУМ Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Махачкале. Несколько позже аналогичные структуры появились в Средней Азии и Закавказье⁴⁹.

Таким образом, мусульманское сообщество СССР было окончательно упорядочено и по национально-географическому признаку разделено на четыре сферы влияния, контроль над которыми возлагался на четыре муфтията.

Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ) координировало деятельность мусульманских общин Средней Азии и Казахстана. По своему вероисповеданию подавляющее большинство входящих в него мусульман были ханафитами. Центральный аппарат САДУМа располагался в Ташкенте, а его председатель носил духовное звание муфтия. Все председатели САДУМ были узбеками.

Фактически Совет по делам религий СССР рассматривал САДУМ как головную мусульманскую структуру страны, так как в его подчинении находилось наибольшее количество общин, а также единственные мусульманские учебные заведения страны – бухарское среднее медресе «Мир-Араб» и ташкентский Исламский институт. Кроме того, хорошо сохранившиеся памятники мусульманской культуры в Бухаре, Самарканде, Ургенче и Туркестане были особенно привлекательны для зарубежных делегаций.

Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК), созданное на базе двух духовных управлений царского времени – Шиитского и Суннитского духовных – правлений, включало в себя мусульманские общины Азербайджана, Грузии и Армении. По своему религиозному составу оно оказалось на две трети шиитским, а на одну треть – ханафито-шафиитским. Ведущую роль в ДУМЗАКе играли шииты-джафариты, из которых избирался его председатель, носивший духовное звание шейх-уль-ислама. Все председатели ДУМЗАКа были азербайджанцами.

По традиции первым заместителем шейх-уль-ислама был суннит, носивший духовное звание муфтия. Впоследствии звания муфтиев получили также представители ДУМЗАКа в Тбилиси и в Батуми. Центральный аппарат ДУМЗАКа разместился в Баку.

Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) объединяло мусульманские общины Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ставропольского и Краснодарского края. По своему религиозному составу оно было шафиито-ханафитским с незначительной долей шиитов-джафаритов. Председателями ДУМСКа, носившими духовное звание муфтия, избирались представители разных, но преимущественно дагестанских, народов. Центральный аппарат ДУМСК располагался в Махачкале.

Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) осуществляло руководство мусульманскими общинами на остальной территории СССР. По своему религиозному составу оно было ханафитским.

Резиденция его председателя, носившего духовное звание муфтия, находилась в Уфе. Все председатели ДУМЕСа были татарами.

До 1989 года эта система оставалась без изменений. Давление на мусульман, усилившееся в годы «хрущевской оттепели», в последующий период ослабло и мусульманское духовенство стало активно привлекаться к участию в международных миротворческих программах СССР. В Ташкенте, ставшем своеобразной витриной советского ислама, часто проводились международные конференции, призванные продемонстрировать дружественным мусульманским странам лояльное отношение СССР к мусульманам. В подобные программы вовлекались и представители других традиционных религиозных организаций – в первую очередь Русская Православная Церковь, что позволило значительно упрочить христианско-мусульманские связи и заложить основы современного межрелигиозного диалога⁵⁰.

Смена власти в советских ДУМ происходила без каких-либо эксцессов и по принятой в каждом отдельном случае схеме: САДУМ управляла династия авторитетных богословов Бабахановых, власть в которой передавалась от отца к сыну; в ДУМСК соблюдался принцип ротации между основными этническими группами Северного Кавказа; в ДУМЗАКе пост шейх-уль-ислама был закреплен за шиитом, в то время как его первый заместитель носил духовное звание муфтия и был суннитом-ханафитом; муфтиями ДУМЕС становились только татары, причем в основном казанские⁵¹.

На начало 1989 года председателем САДУМ был узбек Шамсуддин Бабахан (Бабаханов), ДУМЕС возглавлял татарин Талгат Таджуддин, ДУМСК – балкарец Махмуд Геккиев, а ДУМЗАК – азербайджанец Аллахшукюр Паша-заде.

Часть I

ОБЩАЯ НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Исходной точкой начала дезинтеграционных процессов исламского сообщества СССР можно считать дату 4 февраля 1989 года. В этот день видные духовные лидеры и богословы Узбекистана и Таджикистана собрались у административного здания САДУМ медресе «Барак хана», объявили о начале Чрезвычайного всеобщего собрания мусульман и в ультимативной форме потребовали смещения председателя САДУМ муфтия Шамсиддина (Шамсуддина) Бабаханова, обвиненного в продажности безбожной власти, несовместимых с исламом привычках и общем несоответствии с занимаемой должностью⁵². Предполагая встретить противодействие соответствующих государственных органов, инициаторы собрания и их сторонники двинулись к зданию Совета министров Узбекской ССР, скандируя антибабахановские лозунги. Неожиданно для демонстрантов первый секретарь ЦК КПСС Узбекской ССР Ислам Каримов согласился выслушать выдвинутые требования и одобрить отставку Бабаханова⁵³. Вскоре новым председателем САДУМ был избран директор Высшего исламского института при САДУМ Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф⁵⁴.

Смещение Бабаханова дало старт началу трансформации существующей структуры духовных управлений. Столь нетипичное для советской системы развитие событий объясняли потом тем, что Ташкент считался своеобразным «фасадом» советского ислама и республиканские власти посчитали нецелесообразным вмешиваться во внутримусульманский конфликт. В любом случае, та легкость, с которой был смещен председатель САДУМ., запомнилась многим имамам и амирам ваххабитских джамаатов. И они сделали соответствующие выводы.

Через три года после описанных событий Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, реорганизованное в Духовное управление мусульман Мавераннахра, прекратило свое существование и разделилось на республиканские муфтияты⁵⁵. На руинах САДУМ буйным цветом расцвели нетрадиционные формы ислама, которые до сих пор считаются главным дестабилизирующим фактором в этом регионе. И нет никаких сомнений, что Ислам Каримов впоследствии не раз жалел о своей непротивленческой позиции.

Глава I

Начало раскола

(весна 1989 года – осень 1991 года)

1. Начало раскола северокавказской уммы – свержение председателя ДУМСК муфтия Махмуда Геккиева

Через месяц после смещения Бабаханова, в марте 1989 года, по аналогичному сценарию был спровоцирован кризис в Духовном управлении мусульман Северного Кавказа (ДУМСК).

Образованное в 1944 году ДУМСК на момент своего 45-летнего юбилея располагало более чем 100 мечетями, сосредоточенными преимущественно в Дагестане. Резиденция председателя ДУМСК первоначально размещалась в небольшом дагестанском городе Буйнакске, однако незадолго до описываемых событий была перенесена в Махачкалу. Несмотря на небольшое количество мечетей, структура ДУМСК предполагала выделение казыятов, территориально соответствовавших национальным и наднациональным административным образованиям Северного Кавказа⁵⁶.

В период с 1944 по 1978 год ДУМСК возглавляли кумык Хизри Гебеков (1944–1950 гг.), аварец Магомед Курбанов (1950–1975 гг.), аварец Абдулхафиз Омаров (1975–1978 гг.). В 1978 году председателем муфтията был избран балкарец Махмуд Геккиев, ставший первым муфтием-недагестанцем⁵⁷. К этому времени давление государства на ислам заметно ослабло, что, с одной стороны, позволило с меньшими проблемами открывать новые мечети и контактировать со своими зарубежными единоверцами, а с другой – привело к активизации «альтернативного» ислама.

Официальные лидеры советского ислама по мере сил старались содействовать исламскому возрождению, однако были вынуждены согласовывать свои действия с Советом по делам религий СССР. Нередко под давлением этой организации приходилось принимать сомнительные с богословской точки зрения заявления и фетвы, в угоду атеистической пропаганде бороться с противоречащими советской морали исламскими обычаями⁵⁸. Вряд ли такое «сотрудничество» с властью доставляло большое удовольствие имамам и муфтиям, однако иной возможности сохранить организованную мусульманскую жизнь у них не было.

В годы явных репрессий против духовных лидеров такая позиция находила если не одобрение, то хотя бы понимание простых верующих, однако в преддверии перестройки в их среде стало крепнуть недовольство соглашательством официальных структур. Оппозиционные настроения умело подогревались лидерами «альтернативного» ислама, который на Северном Кавказе был изначально представлен возрождающимися тарикатами – кадирийей, накш-бандийей и шазилийей. Именно с ними в последние годы существования ДУМСК пытался бороться муфтий Махмуд Геккиев, однако исход этой борьбы не вызывал сомнений.

Ташкентский переворот, продемонстрировавший не столько слабость «советских» муфтиев, сколько нежелание властей вмешиваться во внутриисламские дела, стал весьма вдохновляющим примером для дагестанских оппозиционеров. Уже в начале марта 1989 года в мечетях Дагестана начали появляться листовки, которые призывали «сделать перестройку у себя в религии» и освободить муфтия Махмуда Геккиева от занимаемой должности по следующим причинам: а) муфтий является ханафитом, в то время как большинство дагестанских мусульман – шафииты, б) он значительно превысил срок пребывания в своей должности и ни разу не отчитался за проделанную работу, в) увеличил себе зарплату в три раза, купил себе четыре

квартиры и три машины, г) не проявляет никакой инициативы в открытии новых мечетей, в частности, новой джума-мечети Махачкалы. Впоследствии в вину Геккиеву были поставлены также беспорядочные половые связи и пьянство⁵⁹.

Антигеккиевские листовки составили и распространили члены специально созданной инициативной группы по смещению председателя ДУМСК, во главе которой встал имам одной из махачкалинских мечетей Зайдулла Алибеков. В эту группу вошли и «профессиональные революционеры», незадолго до этого отметившиеся в Ташкенте. Только через несколько лет стало известно, что и антибабахановская, и антигеккиевская акция были тщательно подготовлены специально обученными ваххабитскими эмиссарами, ставившими своей целью дискредитацию прогосударственных духовных лидеров ислама.

В течение марта и апреля 1989 года активисты оппозиционеров посетили почти все мечети Северного Кавказа и настроили их духовенство против Геккиева. Участники инициативной группы предлагали выбрать на пост председателя ДУМСК имама дагестанского села Тарки Магомеда-Мухтара Бабатова, который, по их мнению, соответствовал всем предъявляемым требованиям и стал бы идеальным муфтием. Сам Бабатов, правда, не принимал никакого участия в развязанной кампании и относился к уготованной ему роли довольно скептически.

12 мая 1989 года в село Тарки приехал лидер инициативной группы Зайдулла Алибеков и предложил Бабатову прибыть на конференцию мусульман Северного Кавказа, созванную противниками Геккиева, и занять по ее итогам (видимо, predetermined) пост председателя ДУМСК, однако получил отрицательный ответ. Невзирая на позицию таркинского имама, 13 мая противники Геккиева провели в джума-мечети Буйнакса некую «Конференцию мусульман Северного Кавказа», в которой приняло участие около 300 человек. Главными результатами этого сомнительного собрания стали смещение Махмуда Геккиева и избрание на должность председателя ДУМСК Магомеда-Мухтара Бабатова (как уже говорилось, вопреки желанию последнего). В тот же день часть делегатов конференции направилась в Махачкалу, где захватила резиденцию ДУМСК. Поднятые по тревоге сотрудники правоохранительных органов едва успели отбить муфтия и его соратников у митингующих, которые уже собирались устроить самосуд. Этим вмешательство власти во внутримусульманские дела и ограничилось⁶⁰.

После атаки резиденции ДУМСК наиболее радикально настроенные делегаты конференции начали стихийный митинг и потребовали встречи с правительством Дагестана. Выступления противников Геккиева продолжались целый день и в итоге деморализованные дагестанские власти были вынуждены признать легитимность новых лидеров Северо-кавказского муфтията⁶¹. Оппозиция официально мусульманскому духовенству одержала вторую знаковую победу, которая, как и задумывалось, быстро спровоцировала междоусобное противостояние. Наблюдавшие за смещением Геккиева делегаты из Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края были шокированы той легкостью, с которой заслуженного духовного лидера, олицетворявшего для них межэтнический характер ДУМСК, вышвырнули из своей резиденции. Им было хорошо известно, что большинство выдвинутых против председателя ДУМСК обвинений были надуманы и в действительности его моральный облик никаких нареканий не вызывал.

Трения между дагестанскими и недагестанскими мусульманами получили публичную огласку в середине октября 1989 года, когда в Махачкале открылся съезд мусульман Северного Кавказа, призванный избрать нового председателя ДУМСК.

Съезду предшествовали активные интриги Зайдуллы Алибекова, возмнившего себя лидером дагестанских мусульман. Вскоре после майской конференции он угрозами заставил Магомеда-Мухтара Бабатова стать исполняющим обязанности муфтия, однако сил таркинского имама хватило только на полтора месяца – 10 июля он сложил с себя все полномочия «по состоянию здоровья и в связи с семейными обстоятельствами» и поручил Совету ДУМСК

подготовиться к съезду⁶². В тот же день под председательством Алибекова было создано экстренное заседание Совета алимов Северного Кавказа, на которое собралось около 60 делегатов из Дагестана и Чечено-Ингушской АССР. В ходе заседания Алибеков озвучил малопримлемые для недагестанцев критерии, которым должен был соответствовать новый глава ДУМСК, чем еще более обострил межэтнические отношения⁶³.

Таким образом, исход октябрьского съезда был предрешен. Все выдвинутые на пост муфтия кандидаты оказались дагестанцами и вскоре съезд свелся к жесткой полемике между представителями составляющих этот народ этническими группами. Делегаты от других северокавказских регионов оценили происходящее как откровенное ущемление своих интересов и уполномочили казья Карачаево-Черкесии Ануарбека Абишева изложить общую точку зрения на сложившуюся проблему. Эта точка зрения сводилась к тому, что, коль скоро никаких шансов сохранить межэтнический баланс в ДУМСК нет, то и оставаться в этой структуре для недагестанцев бессмысленно. Поэтому Абишев, не ограничившись жесткой критикой алибековцев, заявил о намерении создать собственное, независимое духовное управление мусульман.

Это заявление положило конец прениям и подвело черту под историей ДУМСК. Новый председатель этой структуры так и не был выбран и уже через месяц на Северном Кавказе возник первый независимый от нее муфтият – ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, который возглавил молодой кабардинский имам Шафиг Пшихачев. В декабре 1989 года было образовано также автономное ДУМ Чечено-Ингушской Республики во главе с чеченцем Шахидом Газабаевым.

Между тем дагестанское духовенство еще надеялось спасти ДУМСК. Назначенный на июльском Совете алимов исполняющим обязанности муфтия Абдулла Алигаджиев вскоре после съезда сложил с себя полномочия и назначил своим преемником имама села Новый Хушет Махачкалинского района Ахмеда Магомедова, которому была поручена подготовка нового съезда ДУМСК. Новый и.о. муфтия предпринял энергичные меры по восстановлению порядка и вскоре создал оргкомитет по проведению очередного съезда ДУМСК, во главе которого встал имам центральной махачкалинской мечети Багаутдин Исаев.

Последний съезд ДУМСК открылся в Махачкале 27 января 1990 года. На нем вновь проявилось соперничество основных народов Дагестана и связанное с этим желание дагестанских властей предрешисть итоги голосования, исходя из собственных представлений об этническом паритете. В результате и.о. муфтия даргинец Ахмед Магомедов, имевший наилучшие шансы на успех, под давлением Хапсат Гамзатовой, главного куратора религиозных вопросов в Совете министров Дагестана, был вынужден снять свою кандидатуру¹. По итогам голосования 76 из 173 бюллетеней было подано за имама махачкалинской соборной мечети кумыка Багаутдина Исаева, который набрал большинство голосов и стал новым муфтием. Протеже дагестанского правительства аварец Абдулла Эльдарханов получил только 56 голосов. На съезде был также избран Совет алимов, места в котором пропорционально распределились между всеми мусульманскими народами республики⁶⁴.

ДУМСК решением съезда было преобразовано в ДУМ Дагестана, что сократило зону его юрисдикции до границ этой республики. Глава «инициативной группы» Зайдулла Алибеков не получил ожидаемых должностей в новой структуре и вскоре перешел в оппозицию к своим бывшим союзникам. В настоящее время он имеет репутацию маргинального имама, видящего смысл своей жизни в бесконечной борьбе с любыми официальными структурами. Впрочем, истинным лидером «инициативной группы» был не он.

После распада ДУМСК исламское сообщество Северного Кавказа перестало составлять единое целое и вплоть до августа 1998 года его развитие шло по разным векторам. В этот

¹ В настоящее время Ахмед Магомедов возглавляет Совет по делам религий при Кабинете министров Республики Дагестан.

период основными поставщиками новостей о северо-кавказских мусульманах стали Дагестан, Чечня и Карачаево-Черкесия. И эти новости выглядели нерадостно.

2. Углубление раскола в Дагестане – драматические события июня 1991 года

Январский съезд 1990 года, закончившейся долгожданным избранием легитимного муфтия, умиротворил дагестанских мусульман на ближайшие полтора года и дал возможность начать полноценное возрождение исламской жизни. Аналогичные процессы шли и в других регионах, однако по уровню религиозности населения и его желанию вернуться к исламским корням Дагестан выглядел несомненным лидером. В республике были заложены сотни мечетей, десятки стихийно возникших медресе с трудом удовлетворяли потребности десятков тысяч людей, жаждущих познать ислам. Наконец, появилась возможность совершить обязательное для каждого мусульманина путешествие – хадж в священную Мекку.

Установление в 1991 году дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией значительно облегчило условия совершения хаджа, и, несмотря на солидную стоимость паломничества, тысячи людей – преимущественно дагестанцев – подали на него заявки. Именно это и стало причиной новой кризисной ситуации в дагестанской умме.

Стартовавшая в преддверии распада СССР инфляция и резкое падение курса рубля привело к значительному повышению цен на хадж, что сделало его недостижимой мечтой для многих желающих. 3 июня в Махачкале начался стихийный сход мусульман, протестующих против повышения цен. Лидером митингующих стал Хасбулат Хасбулатов, заместитель председателя исполкома организации «Джамаатул муслими» – исламской партии, образованной в Ленинском районе Дагестана в марте 1990 года. 13 июня бессрочный митинг перерос в беспорядки, закончившиеся попыткой штурма здания Совета Министров Республики Дагестан и гибелью одного демонстранта⁶⁵. В этой трагической истории ДУМ Дагестана не предприняло никаких попыток урегулировать ситуацию, чем подорвало к себе доверие у части верующих⁶⁶. Июньские события стимулировали рост автономных от ДУМ Дагестана исламских политических организаций, в том числе и радикально настроенных⁶⁷.

Кризис в дагестанской умме продолжал углубляться и вскоре достиг своего апогея. 29 февраля 1992 года в Махачкале прошел I съезд мусульман Дагестана, результатом которого стало смещение муфтия ДУМ Дагестана Багаутдина Исаева. Среди предъявленных ему обвинений значились неуспешная политика в сфере мусульманского образования, слабая помощь мечетям, авторитарные методы руководства, финансовые просчеты, а также попытки создать особое духовное управление мусульман для тюркоязычных народов⁶⁸. Новым председателем ДУМ Дагестана был избран аварец Ахмед Дарбишгиджиев, однако Багаутдин Исаев не признал законность своего смещения и создал собственный, кумыкский, муфтият. Вскоре его примеру последовали лезгинские и даргинские духовные лидеры, недовольные засильем аварцев в ДУМ Дагестана. Начался раскол ДУМ Дагестана по национальному признаку, приведший к появлению по меньшей мере четырех этнических ДУМ: аварского (ДУМ Дагестана), кумыкского (Кумыкское ДУМ Дагестана), лезгинского (ДУМ Южного Дагестана) и даргинского (Даргинский казыят)⁶⁹.

Разделение на этнической основе пагубно отразилось на дальнейшей судьбе дагестанской уммы, которая немедленно потеряла позиции лидера исламского возрождения в России и на долгое время стала его аутсайдером. Конфликтом между традиционными мусульманами не замедлили воспользоваться ревнители «чистого» ислама и дружественные им партии, которые стали стремительно захватывать рычаги воздействия на дагестанский ислам. Однако победное шествие ваххабитов было неожиданно остановлено их бывшими союзниками по подпольной

борьбе – тарикатистами, которые имели свои планы на дагестанскую умму. В этой борьбе, имевшей как идеологическое, так и вооруженное измерение, стали вырисовываться фигуры новых исламских лидеров республики, среди которых первое место по влиянию занял авторитетный устاز тарикатов накшбандийя и шазилийя, аварский чабан Саид Ацаев, более известный как Саид-афанди Чиркейский. Именно он через 5 лет стал истинным лидером умеренных мусульман Дагестана, одновременно распространив свое влияние и далеко за пределы этой республики⁷⁰.

3. Распространение раскола на другие республики Северного Кавказа – возникновение альтернативных духовных центров в Чечне и Карачаево-Черкесии

Начало 90-х годов ознаменовалось новыми проблемами и для мусульманских сообществ других северокавказских регионов. Развал СССР особенно больно ударил по мусульманам Чечни и Карачаево-Черкесии, которые стали заложниками политических баталий на почве воинствующего сепаратизма.

В начале сентября 1991 года национальные гвардейцы президента Чечни Джохара Дудаева захватили здания Совета министров, радио- и телецентра, а затем взяли штурмом Верховный совет республики. Всю полноту власти в Чечне стал олицетворять психически нездоровый генерал Джохар Дудаев, который в своих политических амбициях намеревался активно использовать исламский фактор⁷¹. Этот фактор, правда, понимался мятежным генералом весьма своеобразно, что можно предположить из его призывов ввести для чеченских мусульман обязательную четырехкратную молитву (сунниты молятся пять раз в день, шииты – три, совмещающая по две молитвы). Впоследствии Дудаев утверждал, что Чечню в ислам втокнули действия федерального центра, однако на самом деле в планах чеченского президента исламу изначально отводилось место главного катализатора борьбы за независимость⁷². Еще в мае 1991 года II Общенациональный съезд чеченского народа, состоявшийся при его активном участии, указал своей задачей-максимум создание независимого исламского государства⁷³.

Полное религиозное невежество Джохара Дудаева вкупе с навязчивым желанием поставить ислам на службу своим сомнительным интересам оттолкнуло от него большую часть духовенства. Впрочем, это не смутило генерала, и вскоре его сторонники решили возникшую проблему, создав пропрезидентский Высший исламский совет Чеченской Республики (позже известный как Духовный центр мусульман Чеченской Республики)⁷⁴. Подобной административной реформе чеченского ислама весьма способствовало отсутствие у него признанного лидера – созданное в 1989 году ДУМ Чечено-Ингушской Республики приостановило свою деятельность в связи с разделом этого региона, а отдельный чеченский муфтият еще находился в процессе формирования.

Открытое вмешательство Дудаева во внутрисламские дела сплотило оппозиционных ему имамов, и уже 14 октября 1991 года Совет имамов Чеченской Республики образовал независимое ДУМ Чеченской Республики (ДУМ ЧР), муфтием которого был избран авторитетный богослов Магомед-Башир Арсанукаев. В ответ на это сторонники Дудаева создали альтернативный ДУМ ЧР Исламский центр Чечни, в который вошли продудаевские представители духовенства. В республике начался затяжной конфликт двух исламских центров, который по прошествии 10 лет выглядит героической попыткой традиционных мусульман Чечни противостоять радикализации ее уммы⁷⁵.

Борьба традиционных и продудаевских мусульман в Чечне развивалась на фоне роста междутейповых противоречий и нарастающего соперничества между двумя ведущими тари-

катами республики – кадирийей и накшбандийей. К лету 1992 года Исламский центр Чечни в союзе с новообразованной организацией «Мехк Кхел» (Советом старейшин) решил покончить с муфтиятом и 4 июля 1992 года на созванном для такого случая съезде мусульман объявил о его роспуске. В свою очередь, руководители ДУМ ЧР незамедлительно объявили решения съезда незаконными и 6 августа 1992 года провели альтернативный съезд исламского духовенства. Этот съезд поддержал муфтия Магомеда-Башира Арсунукаева и объявил о расформировании Исламского центра Чеченской Республики, а также всех ««исламских» политических партий и групп». Баланс сил в религиозной сфере временно восстановился, хотя противостояние ДУМ ЧР и Исламского центра Чеченской Республики обострилось до крайней степени⁷⁶.

Параллельно с дудаевским переворотом в Чечне резко осложнилась ситуация и в новообразованной Карачаево-Черкесской Республике. Многонациональную мусульманскую общину республики давно беспокоили трения между карачаевцами и черкесами, однако произошедший в ней конфликт не имел этнической подоплеки. Сторонами этого конфликта стали карачаевцы, разделившиеся на защитников ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя во главе с муфтием Исмаилом Бердиевым и приверженцев альтернативных мусульманских центров: Оргкомитета мусульманских общин по строительству медресе в селе Учкеек и Совета имамов Малокарачаевского района, общее руководство над которыми осуществлял активист Исламской партии возрождения Мухаммад Биджиев, известный также под оперативными псевдонимами Мухаммад Карачай и Мухаммад Биджи-уллу⁷⁷.

Требования, выдвигавшиеся оппозиционерами, носили в основном политический характер. 17 ноября 1991 года они организовали митинг, посвященный годовщине провозглашения Карачаевской Республики², и объявил его бессрочным. Несмотря на то, что все ключевые посты в Карачаево-Черкесской Республике заняли карачаевцы, сторонники Биджиева заявляли о продолжающейся дискриминации своего народа и требовали возродить мононациональную Карачаевскую Республику. 30 ноября в Карачаевске началось очередное собрание биджиевцев, провозглашенное I Съездом мусульман Карачая. На этом съезде было объявлено о создании нового религиозного центра – Имамата Карачая во главе с Биджиевым⁷⁸.

Умеренные мусульмане республики, объединившиеся вокруг Черкесского муфтията, лишь с большим трудом смогли сохранить контроль над ситуацией. 11 декабря 1991 года в Черкесске прошел III Внеочередной съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, на котором большинство исламских лидеров осудили действия Биджиева и призвали мусульман сохранять единство. Правительство республики, со своей стороны, поддержало муфтия Исмаила Бердиева и отказало в регистрации Имамату Карачая, который постепенно выродился в откровенно маргинальную структуру⁷⁹.

Со временем ситуация в исламском сообществе Карачаево-Черкесии стабилизировалась, однако события осени 1991 года стимулировали появление в карачаевских селах Малокарачаевского и Карачаевского районов республики крупных общин ревнителей «чистого» ислама, известных как «карачаевские джамааты». Ответственность за их возникновение власти возлагали непосредственно на Биджиева-Карачая.

Между тем ситуация в других регионах Северного Кавказа пока оставалась спокойной. Автономные муфтияты были созданы в Ингушетии, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарии и Адыгее. Этим молодым ДУМам посчастливилось избежать серьезных внутренних проблем на начальном этапе своей истории и укрепить позиции в преддверии неизбежной атаки радикалов.

² За год до этого Чрезвычайный съезд карачаевских депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете Карачаевской Республики. Интересно отметить, что на сепаратистские процессы в Карачаево-Черкесской Республике активно влиял Джохар Дудаев.

Таким образом, ни в Дагестане, ни в Чечне, ни в Карачаево-Черкесии ваххабитам и сторонникам политизации ислама не удалось столь же эффективно воспользоваться плодами распада СССР, как это сделали их единомышленники в Таджикистане. Традиционные мусульмане смогли отбить первые атаки и отсрочить угрозу междоусобной войны, однако время играло на руку их противникам.

4. Исламское возрождение татаро-башкирской уммы – появление первых симптомов надвигающегося раскола

Драматические события начала 1989 года, приведшие к смене власти в САДУМ и ДУМСК и их последующему распаду, стали грозным предупреждением для председателей ДУМ Закавказья и ДУМ Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Впрочем, серьезных оснований для беспокойства у них пока не было – конец перестройки ознаменовался истинным расцветом деятельности этих управлений, которые, наконец, смогли освободиться из-под навязчивой опеки Совета по делам религий и прекратить выплату обременительных взносов в Фонд мира.

16—25 августа 1989 года в Поволжье и Башкирской АССР прошли торжества, посвященные 1100-летию принятия Волжской Булгарией ислама и 200-летию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири ДУМЕС. Эти мероприятия по своему масштабу были вполне сопоставимы с празднованием 1000-летия Крещения Руси, состоявшегося годом раньше. С приветствием к участникам торжеств обратились Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, Совет министров РСФСР и целый ряд региональных чиновников высшего звена⁸⁰. К торжествам были приурочены закладки и открытия мечетей в Уфе, Казани, Набережных Челнах и Нижнекамске. В праздновании двойного юбилея приняли участие видные зарубежные гости, послы мусульманских стран и представители международных общественных организаций⁸¹.

Одним из итогов юбилейных торжеств стало предоставление ДУМЕС режима наибольшего благоприятствования со стороны государства. Достигнутые успехи были закреплены на V съезде этого управления, прошедшего 6–8 июня 1990 года в Уфе. Участие в нем приняли более 700 делегатов и гостей из России, республик Союза, 36 зарубежных стран, представители международных исламских организаций – Всемирной исламской лиги, Организации Исламской конференции и Лиги арабского мира. Главным результатом съезда стало укрепление властной вертикали ДУМЕС, ранее сильно ослабленной вмешательством уполномоченных по делам религии, и упорядочение процесса подготовки кадров духовенства, который стал приобретать стихийный характер. Была также определена новая финансовая политика ДУМЕС, предусматривавшая прекращение отчислений в советские общественные фонды и создание собственных экономических структур. Важнейшим для последующего развития событий решением V съезда стало пожизненное закрепление за председателем ДУМЕС Талгатом Таджуддином духовного звания муфтия и присвоение ему особо почетного титула «шейх-уль-ислам»⁸².

Действительно, положение муфтия Талгата Таджуддина на том момент было довольно прочным – ведь он сумел своевременно обратить новые политические реалии на пользу мусульман. Усилиями председателя ДУМЕС были заложены десятки мечетей и образованы сотни новых общин, стали возрождаться системы мусульманского образования и средств массовой информации⁸³. В мае 1990 года на совещании глав четырех советских ДУМов Таджуддин был избран председателем Управления международных связей мусульманских организаций СССР, что позволило ему активизировать контакты с зарубежными единоверцами. В 1991 году председатель ДУМЕС возглавил первую группу паломников, после длительного перерыва получивших возможность совершить хадж⁸⁴.

Финансовое положение ДУМЕС также не внушало никаких опасений. Как и Русская Православная Церковь, это управление долгое время не имело возможности тратить стекавшиеся к нему деньги на такие расходные статьи, как строительство новых храмов или миссионерскую деятельность, что в итоге позволило накопить ему солидный капитал. Имевшиеся в распоряжении ДУМЕС средства позволяли не только выплачивать достойную зарплату имамам и с легкостью финансировать возведение немногочисленных пока мечетей, но и всерьез обсуждать вопрос о приобретении собственного самолета.

Впрочем, были и недовольные. Благостная атмосфера V съезда оказалась нарушена выступлением казанского имама Габдуллы Галиуллина, раскритиковавшего руководство ДУМЕС за пассивность и недостаточное внимание к нуждам мусульман. В ответ на свою речь Галиуллин получил яростную отповедь ответственного секретаря ДУМЕС Нафика Аширова, который в то время ревностно защищал интересы муфтия Талгата Таджуддина. Ревностность эта, правда, быстро сменилась ненавистью после того, как Таджуддин предложил Аширову освободить престижную должность ответственного секретаря и возвратиться простым имамом на родину – в сибирский город Тобольск. Затаивший глубокую обиду Нафик Аширов начал готовить заговор по свержению Таджуддина и сумел привлечь на свою сторону целый ряд влиятельных имамов, которые в разное время претерпели от председателя ДУМЕС личные обиды⁸⁵.

Помимо внутренней оппозиции, серьезную опасность для ДУМЕС стали представлять и мусульманские политические структуры, возникшие на волне религиозного ренессанса. Их радикально настроенные вожди и не думали признавать авторитет духовных лидеров, открыто обвиняя имамов в связях с КГБ и предательстве простых мусульман. Муфтий Талгат Таджуддин вовремя оценил исходящую от мусульманских партий угрозу, однако помешать их развитию он не мог.

17–18 февраля 1989 года Первый всетатарский съезд учредил «Народное движение в поддержку перестройки – Татарский общественный центр», впоследствии известное как Всесоюзный татарский общественный центр (с 16 февраля 1991 года) и Всетатарский общественный центр (с начала 1992 года). Новое движение стало «материнской» структурой для большинства радикальных националистических партий Татарстана⁸⁶. 27 апреля 1990 года в Казани прошел учредительный съезд Татарской партии национальной независимости «Иттифак» («Согласие»), созданной на базе радикального крыла Всетатарского общественного центра, а 12–13 октября в татарстанской столице состоялся учредительный съезд партии «Азатлык», взявший на себя функции молодежного крыла Всетатарского общественного центра⁸⁷. В 1989–1991 годах подобные татарстанским этнорелигиозные партии были созданы также в Башкортостане и целом ряде других «мусульманских» регионов.

Среди множества новообразованных партий и движений наиболее выраженный религиозный характер имела Исламская партия возрождения (ИПВ), учрежденная 9 июня 1990 года в Астрахани на съезде мусульманских обществ СССР (преимущественно таджикистанских, дагестанских и чечено-ингушских). В работе этого съезда приняли участие 179 делегатов, общее же число присутствующих превысило тысячу человек. По его итогам были приняты программа и устав партии, а также «Обращение к мусульманам Советского Союза», избраны партийные руководящие органы. Амиром (руководителем) Совета улемов ИПВ стал дагестанец Ахмад-кади Ахтаев, пользовавшийся определенным авторитетом среди мусульман своей республики⁸⁸.

В программе ИПВ подчеркивался ее мусульманский характер, в соответствии с которым основными целями партии определялись духовное возрождение, экономическое раскрепощение и политическое пробуждение вкупе с реализацией права каждого мусульманина построить свою жизнь на основе Корана и Сунны. Ставший главным идеологом ИПВ философ-окульти-

тист Гейдар Джемаль определял ее главной тактической задачей создание для мусульман СССР собственного политического центра, призванного защитить советскую умму от новомодных демократических тенденций и попыток установления контроля извне⁸⁹. Интересно, что впоследствии именно он стал ярким защитником демократии и сторонником установления внешнего контроля над российской уммой.

ИПВ просуществовала как единое целое сравнительно недолго – развал СССР сказался и на ее единстве. Вскоре после августа 1991 года эта партия вошла в период затяжного кризиса, быстро приведшего к распаду, чему, кстати, немало поспособствовала низкая адекватность ее руководства. Сколько-нибудь значительной роли во внутримусульманской политике ИПВ не сыграла (за исключением, пожалуй, Республики Таджикистан), однако сам факт появления чисто исламской партии в России стал весьма важным прецедентом. Нельзя не отметить и тот факт, что ИПВ стала настоящей школой для целого ряда мусульманских политиков и общественных деятелей, впоследствии ставших идеологами новых политических структур⁹⁰.

5. Начало автономизации региональных мусульманских общин – восстановление института мухтасибатов

К началу 1991 года в подчинение ДУМЕС входили уже сотни общин, управлять которыми становилось все сложнее. Принятая в советское время упрощенная схема властной вертикали, подчинявшая каждую общину непосредственно председателю ДУМЕС, стала давать заметные сбои. Учитывая реалии нового времени, 15 января 1991 года президиум ДУМЕС принял решение о восстановлении территориальных образований среднего уровня – мухтасибатных округов, призванных улучшить управляемость общинами. Решением президиума были созданы Астраханский, Бугульминский, Зеленодольский, Куйбышевский, Нижегородский, Казанский, Чистопольский, Омский, Ленинградский, Октябрьский, Сибайский, Пермский, Пензенский, Крымский, Уфимский, Свердловский, Тюменский, Московский, Саратовский, Ростовский, Челнинский, Прибалтийский, Ульяновский, Оренбургский и Стерлитамакский мухтасибаты (*перечислены в порядке упоминания в протоколе заседания*). Наиболее заслуженные и образованные имам-хатыбы этих территорий возглавили мухтасибаты в звании имам-мухтасибов⁹¹. Мухтасибы получили самые широкие полномочия, позволявшие им самостоятельно договариваться с местными властями и даже вести переговоры с зарубежными спонсорами. Вскоре многие из них поняли, что вполне могут обойтись и без опеки ДУМЕС.

Особенно ярко автономизация стала проявляться в Московском мухтасибате, который возглавил бывший ответственный секретарь ДУМЕС Равиль Гайнутдинов (Гайнутдин). Именно на него были возложены обязанности по развитию отношений с мусульманскими странами, делегации которых в первую очередь посещали московскую Соборную мечеть, и установление прямых контактов с центральными властями. Вскоре московский мухтасиб фактически занял второе место в иерархии ДУМЕС, замкнув на себя важнейший сегмент его внешней политики.

5 апреля 1991 года в Москве по инициативе Равиля Гайнутдина и молодого мусульманского активиста В.В. Медведева (впоследствии известного как Абдул-Вахед Ниязов) был создан Исламский культурный центр (ИКЦ), ставший первым исламским образованием универсального характера, соединявшим в себе черты духовного центра, общественной организации, политической партии и коммерческой структуры. Образование ИКЦ было в заметной степени инициировано и профинансировано представителями Саудовской Аравии, заинтересованными в распространении своего влияния среди российских мусульман⁹².

Первое время деятельность ИКЦ вполне отвечала его названию и действительно была направлена на реализацию гуманитарных и образовательных проектов, способствовавших раз-

витию исламской культуры в России. Ключевую роль в ИКЦ играл его генеральный директор (вакиль) Абдул-Вахед Ниязов, вскоре ставший одной из наиболее ярких фигур в российском исламе. Если бы энергия, целеустремленность и деловое чутье Ниязова были бы приложены в чисто финансовой сфере, то он вполне мог бы повторить путь Платона Лебедева или Михаила Ходорковского. Однако генеральный директор ИКЦ предпочел стать реформатором российского ислама.

Осенью 1991 года Абдул-Вахед Ниязов, приобретший к этому времени определенный вес в исламском сообществе Москвы, воспользовался отсутствием Рауиля Гайнутдина и созвал внеочередное собрание актива московской Соборной мечети. Пришедшие на него мусульмане с удивлением выслушали от Ниязова резкую критику в адрес своего мухтасиба, которого предлагалось немедленно сместить. Никаких решений, они, естественно, принимать не стали и предпочли дожидаться Рауиля Гайнутдина, который по возвращению из Финляндии быстро навел порядок и выгнал Ниязова из Соборной мечети. Это странное происшествие стало первой попыткой насильственного смещения высокопоставленного сотрудника ДУМЕС.

10 ноября того же года по инициативе Рауиля Гайнутдина был собран совет ИКЦ, который снял Ниязова с должности генерального директора. Тем не менее молодой исламский лидер не сдался и спровоцировал раскол ИКЦ на ИКЦ Москвы и Московской области, который остался под контролем Рауиля Гайнутдина, и ИКЦ России, в который вошли оппоненты московского мухтасиба. С этого момента Абдул-Вахед Ниязов, оказавшийся единоличным хозяином ИКЦ России, стал полностью самостоятельной фигурой⁹³. Через несколько лет он сумел помириться с Рауилем Гайнутдином, однако доверие к себе не восстановил.

Таким образом, в Поволжской умме образовался первый раскол, который, несмотря на свою кажущуюся незначительность, имел далеко идущие последствия. Со временем ИКЦ Москвы и Московской области прекратил свое существование за невостребованностью, а ИКЦ России смог замкнуть на себя финансовые потоки арабских спонсоров, превратившись в мощный центр влияния. Главными целями ИКЦ России стали создание новой мусульманской инфраструктуры и подготовка для нее кадров в зарубежных медресе фундаменталистской направленности⁹⁴. Для достижения этих целей организация Ниязова принимала активнейшее участие в расколе исламского сообщества России и распространении нетрадиционных направлений ислама. Особо следует отметить и небезуспешные попытки ИКЦ России установить контроль над развитием политического ислама, следствием чего стало появление таких одиозных партий, как Союз мусульман России, «Рефах» и «Великая Россия – Евразийский союз»⁹⁵.

Глава II

Углубление раскола

(зима 1992 года – весна 1996 года)

1. Начало раскола ДУМЕС – летний кризис 1992 года

Новый 1992 год ознаменовался началом брожения в рядах до сих пор спокойного ДУМЕС. Некоторые имамы стали открыто говорить о необходимости создания независимых от ДУМЕС управлений, а татарские националистические организации все более настойчиво требовали перенести центральный аппарат этой структуры в «центр российского ислама» – Казань. Так, 29 мая 1992 года в Казани по инициативе исламской партии «Возрождение», Милли-меджлиса, общества Марджани, саратовского общества «Исламский призыв» и молодежного центра исламской культуры «Иман» был создан Исламский центр Татарстана, подобно ИКЦ России заявивший о своей оппозиционности ДУМЕС. Один из его лидеров, имам казанской Сенной мечети Габдулла Галиудлин, подверг руководство ДУМЕС резкой критике и призвал татарстанских мусульман возрождать ислам самостоятельно. Предпринятые верными ДУМЕС имамами попытки обуздать националистическое движение успеха не имели – президент Татарстана М.Ш. Шаймиев отказался бороться с союзными ему политическими силами, чье влияние в республике было достаточно велико⁹⁶.

Болезненным ударом по ДУМЕС стал и распад СССР, который сделал бессмысленным его официальное название и разделил мусульманские общины Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики государственными границами. Потеря контактов со среднеазиатскими единоверцами, обусловленная распадом САДУМ и политической нестабильностью, лишила российских мусульман доступа к наиболее авторитетным учебным центрам традиционного ислама – бухарскому медресе «Мир-Араб» и ташкентскому Исламскому институту.

Летом 1992 года все возможности сохранить стабильность в ДУМЕС оказались исчерпаны. Федеральная власть и спецслужбы сконцентрировались на более важных темах, нежели проблемы выживания лояльных им религиозных организаций, а местные власти активно интриговали в пользу создания собственных автономных мусульманских структур. Солидарно с ними действовали политические партии и эмиссары зарубежных экстремистских центров, которые оказались особенно заинтересованы в уничтожении главного оплота традиционного ислама. Последним сдерживающим фактором для центробежных тенденций оставался высокий авторитет председателя ДУМЕС верховного муфтия Талгата Таджуддина, однако вскоре и он был подорван.

16 июля 1992 года в Набережных Челнах прошли торжества в честь открытия мечети «Таубе» («Покаяние»), на котором присутствовало практически все высшее духовенство ДУМЕС. Красивейшая мечеть, заложенная во время юбилея 1989 года, была мечтой Талгата Таджуддина. Он принимал личное участие в проектировании ее внутреннего убранства, в котором важное место отводилось витражу в виде охватывавшего магендавид и четырехконечный крест полумесяца. Этот заимствованный из убранства Голубой мечети в Стамбуле сюжет был призван символизировать общность корней ислама, христианства и иудаизма, однако имам-хатыб мечети «Таубе» Идрис Галяутдинов счел витраж кошунственным экуменическим символом и самовольно приказал его демонтировать⁹⁷.

Такое демонстративное непослушание неприятно удивило Талгата Таджуддина, намеревавшегося продемонстрировать приглашенным на церемонию православным священникам

свое уважение к их вере, и после неубедительных оправданий Галяутдинова он прилюдно поколотил имам-хатыба посохом. Подобные вещи случались в ДУМЕС и раньше – обладавший непростым характером муфтий нередко вразумлял своих учеников физически, однако быстро остывал и извинялся. Но на этот раз заснятое на пленку «вразумление» Галяутдинова стало мощным аргументом в руках его противников, поспешивших представить случившиеся как демонстративную расправу еретика-экумениста над истинным мусульманином, защищавшим свою веру. Они обвинили Таджуддина в излишней любви к христианству и иудаизму («ставит кресты на мечетях»), авторитарных методах руководства («прилюдно избил человека») и самодурстве, граничащем с психическим заболеванием⁹⁸.

«Витражный скандал» решительно подорвал позиции председателя ДУМЕС. Лагерь его противников пополнился десятками имамов, вспомнивших свои старые обиды и решивших, что пришло время за них рассчитаться. Одновременно националистические организации Татарстана и Башкортостана начали в своих СМИ кампанию по дискредитации Талгата Таджуддина. Своего пика эта кампания достигла в середине августа 1992 года, когда в газетах начали публиковаться открытые призывы к смещению Таджуддина и расформированию ДУМЕС. Масла в огонь подлила и публичная ссора Таджуддина с уфимским мухтасибом и казыем Нурмухаммедом Нигматуллиным, в ходе которой муфтий пренебрежительно отозвался о башкирах, чем окончательно настроил против себя башкирских националистов".

С начала августа в мечетях стала распространяться анонимная листовка некой «инициативной группы», содержавшая откровенно оскорбительные выпады в адрес главы ДУМЕС. Ситуация явно развивалась по сценарию, опробованному три года назад в Дагестане, и угроза переворота в ДУМЕС стала очевидной, однако сам Талгат Таджуддин понадеялся на лучшее и не стал переносить свою командировку в Турцию. Это стало его решающей ошибкой¹⁰⁰.

19 августа 1992 года имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата Нурмухаммед Нигматуллин выступил по местному телевидению и заявил о намерении создать национальный башкирский муфтият. На следующий день Башкирский национальный центр «Урал» и Татарский общественный центр Башкортостана выступили с совместным заявлением «О ситуации в ДУМЕС», в котором поддержали обвинения, выдвинутые против Таджуддина (психическое заболевание, авторитарное руководство, финансовые злоупотребления) и одобрили идею созыва учредительного съезда башкортостанского ДУМ¹⁰¹. 21 августа 1992 года имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата Нурмухаммад Нигматуллин, ответственный секретарь ДУМЕС Нафигулла Аширов и главы Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов созвали съезд, поставившей своей целью учредить независимое ДУМ Республики Башкортостан (ДУМ РБ). На съезд прибыло около 250 делегатов, представлявших 120 мусульманских общин Башкортостана, а также ведущие националистические партии республики¹⁰².

Съезд открыл Нурмухаммад Нигматуллин, который обосновал необходимость отделения от ДУМЕС самоустраненностью Таджуддина от конкретных дел, его психической болезнью, оскорбительным обращением с сотрудниками, финансовыми злоупотреблениями, а также целесообразностью восстановления независимого башкирского муфтията.

При этом Нигматуллин подчеркнул, что ни в коем случае не призывает к упразднению ДУМЕС и снятию с должности его председателя. Большинство выступавших поддержало предложения Нигматуллина, а выступления немногочисленных сторонников Таджуддина оказались проигнорированы. По итогам съезда практически единогласно (194 голосами из 200) было принято решение о создании ДУМ РБ, утверждении его устава и назначении Нурмухаммада Нигматуллина муфтием Башкортостана. В президиум ДУМ РБ были избраны также бывший ответственный секретарь ДУМЕС Нафик Аширов, стерлитамакский имам-мухтасиб Ришат Рафиков, октябрьский имам-мухтасиб Гусман Исхаков и сибайский имам-мухтасиб Аглям Газизов¹⁰³.

На следующий день, 22 августа, в Набережных Челнах открылся учредительный съезд ДУМ Республики Татарстан (ДУМ РТ). В его оргкомитет и президиум вошли те же самые имамы, которые инициировали созыв учредительного съезда ДУМ РБ, благодаря чему он был проведен по аналогичной уфимскому съезду схеме. Председательствующий на съезде бугульминский имам-мухтасиб Сулейман Зарипов почти дословно повторил выдвинутые днем ранее обвинения в адрес Талгата Таджуддина и призвал к образованию независимого ДУМ РТ, «мысли о создании которого зрели у нас уже 3–4 года». В ходе голосования решение об образовании ДУМ РТ было принято единогласно (сторонники Таджуддина к этому времени покинули съезд). На должность председателя ДУМ РТ первоначально предлагалось избрать октябрьского имам-мухтасиба Гусмана Исакова, однако после его самоотвода муфтием был избран второй кандидат – имам-хатыб казанской мечети «Нурулла» Габдулла Галиуллин (Галиулла), активно поддержанный татарскими националистами. Отличительной особенностью учредительного съезда ДУМ РТ стало небольшое количество присутствовавшего на нем духовенства (всего 20 человек из 200 делегатов) и нефиксированный состав участников¹⁰⁴.

«Раскол ДУМЕСа был предreshен, тем более, что на авансцену уже вышли эмиссары международных благотворительных фондов, которые финансировали и это проходившее в театре Г. Камала собрание. Для всех стало ясно, что арабские спонсорские деньги лучше получать напрямую, а не через Уфу», – так писал об этом съезде первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов¹⁰⁵.

Нарастающий центробежный процесс затронул и другие регионы. О своей солидарности с инициаторами раскола заявили саратовский имам-мухтасиб Мукаддас Бибарсов, тюменский имам-мухтасиб Галимзян Бикмуллин и ряд других лидеров ДУМЕС. Началось создание независимых духовных управлений в Поволжье и Сибири¹⁰⁶.

23 августа поздним вечером Талгат Таджуддин вернулся из Турции и сразу же дал интервью уфимской радиостанции «Шарк», в котором назвал съезды ДУМ РБ и ДУМ РТ незаконными и призвал к сохранению единства ДУМЕС. 26 августа он созвал расширенный пленум ДУМЕС, на который прибыли оставшиеся верными ему имам-мухтасибы. Пленум осудил действия раскольников, а инициаторов раскола – казыев Нурмухаммеда Нигматуллина и Нафика Аширова, а также имам-мухтасибов Гусмана Исакова (Октябрьский мухтасибат), Мукаддаса Бибарсова (Саратовский мухтасибат), Галимзяна Бикмуллина (Тюменский мухтасибат), Гумара Валеева (Свердловский мухтасибат), Газиза Аглямова (Сибайский мухтасибат), Сулеймана Зарипова (Бугульминский мухтасибат), Ришата Рафикова (Стерлитамакский мухтасибат), Наиля Сахибзянова (Пермский мухтасибат) и Идриса Галаяутдинова (Набережночелнинский мухтасибат), освободил от занимаемых должностей¹⁰⁷.

Расширенный пленум, конечно, не привел к прекращению раскола, однако продемонстрировал готовность Таджуддина к дальнейшей борьбе, тем более что ситуация в ДУМЕС складывалась не столь безнадежно, как некогда в ДУМСК. Руководство 15 мухтасибатов из 25, в том числе таких стратегически важных, как Казанский и Московский, не было вовлечено в раскол и сохранило лояльность Таджуддину. Кроме того, далеко не все общины «мятежных» мухтасибатов вошли в состав новообразованных ДУМ.

С другой стороны, власти Башкортостана и Татарстана поддержали новообразованные муфтияты, создание которых вполне соответствовало интересам их национальной и религиозной политики. Получили поддержку региональных властей и мухтасибы Саратова, Тюмени и Симферополя, в то время как чиновники из федерального центра не спешили вмешиваться в ситуацию и защищать единство ДУМЕС.

2. Развитие раскола ДУМЕС – консолидация противников муфтия Талгата Таджуддина

Осень 1992 года принесла новые испытания для ДУМЕС. После короткой паузы лидеры новообразованных муфтиятов перешли в наступление и захватили инициативу на ближайшие пять лет. В сентябре 1992 года ДУМ РБ, заручившись поддержкой башкирских националистов и негласным одобрением республиканских властей, начало кампанию по отчуждению в свою пользу недвижимого имущества ДУМЕС. Официально эти требования, дословно повторявшие циркуляр ДУМ БАССР за январь 1926 года, были сформулированы на I съезде ДУМ РБ в сентябре 1994 года¹⁰⁸. Как и 70 лет назад, лидеры ДУМ РБ требовали от властей Башкортостана передать резиденцию ЦДУМ в их пользование и перевести в юрисдикцию ДУМ РБ все мусульманские общины республики. Это требования, конечно, не были удовлетворены, однако некоторых успехов ДУМ РБ все же добилось – в его распоряжение были переданы несколько зданий в Уфе и других городах. Кроме того, все больше башкортостанских приходов переходило в юрисдикцию ДУМ РБ. Аналогичная ситуация складывалась и в Татарстане – верные Талгату Таджуддину имамы не могли уверенно противостоять энергичному муфтию Габдулле Галиуллину, который быстро замкнул на себя большую часть республиканских приходов.

Неблагоприятно для ДУМЕС складывалась ситуация и в других проблемных регионах. Саратовский мухтасиб Мукаддас Бибарсов удержал контроль над всеми общинами Саратовской области, заметной частью пензенских махалля и отдельными волгоградскими общинами, что позволило ему создать ДУМ Саратовской, Волгоградской и Пензенской областей, известное также под названием Межрегионального ДУМ Среднего Поволжья. Его сибирский коллега Галимзян Бикмуллин сумел оперативно создать ДУМ Сибири (Тюменский муфтият), в который, правда, вошли только немногочисленные махалля Тюменской области. К этому же времени относится и возникновение независимого ДУМ Республики Крым, которое стало формироваться сразу же после распада СССР.

30 сентября на встрече глав и представителей ДУМ РТ, ДУМ РБ, Межрегионального ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей, ДУМ Тюменской области, ДУМ Крыма и ряда других централизованных мусульманских организаций было принято решение о создании Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири, призванного объединить всех оппонентов ДУМЕС. Инициаторами этой встречи выступили татарстанский муфтий Габдулла Галиуллин и первый заместитель муфтия Башкортостана Нафик Аширов, понимавшие насущную необходимость создания альтернативной ДУМЕС всероссийской мусульманской структуры, могущей оспорить сохраняющуюся монополию Талгата Таджуддина на контакты с федеральной властью и международными исламскими организациями¹⁰⁹.

21 октября 1992 года в Казани прошел первый съезд Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири, по решению которого он был переименован в Высший координационный центр духовных управлений мусульман России (ВКЦДУМР). На съезде был принят устав новой организации и проведены выборы ее председателя, которым стал муфтий ДУМ Республики Татарстан Габдулла Галиуллин, в 1994 году получивший титул «Верховного муфтия России». Главный вдохновитель раскола ДУМЕС Нафик Аширов, к этому моменту сменивший имя на Нафигулла, возглавил исполнительный комитет ВКЦДУМР.

Зоной юрисдикции новой организации была объявлена вся Россия и европейские страны СНГ. 22 февраля 1993 года ВКЦДУМР прошел регистрацию в Минюсте, после чего в период с 15 августа 1993 года по 11 декабря 1994 года в него вошли Межрегиональное ДУМ Сред-

него Поволжья (Межрегиональное ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей), ДУМ РБ, ДУМ РТ, ДУМ Сибири (ДУМ Тюменской области), ДУМ стран Балтии, Духовный центр мусульман Республики Ингушетия, ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, ДУМ Беларуси, ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края, ДУМ «Ассоциация мечетей» и ДУМ Оренбургской области – Бугурусланский муфтият¹¹⁰.

Как следует из перечня членов ВКЦДУМР, в него вступили не только оппозиционные ДУМЕС управления – северокавказские муфтияты всегда были дружественны Таджуддину, равно как и ДУМы Беларуси и Балтии. Они примкнули к ВКЦ ДУМР скорее благодаря его активной рекламной кампании. В итоге членство большинства муфтиятов в ВКЦ ДУМР оказалось чисто формальным, а сама эта организация стала своеобразной надстройкой над ДУМ РТ.

Последующие четыре года внутренние взаимоотношения в исламском сообществе России определялись прежде всего противостоянием ДУМЕС и ВКЦДУМР. Инициатива в этой борьбе, как правило, находилась на стороне ВКЦДУМР, однако внутренние противоречия и безупречный моральный облик некоторых лидеров этой структуры не позволили ей занять доминирующее положение в российской умме.

8—10 ноября 1992 года в Уфе прошел VI чрезвычайный съезд мусульман Европейской части СНГ и Сибири, призванный остановить продолжающийся распад ДУМЕС. Делегаты съезда одобрили действия председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина и осудили раскольников, а также утвердили новый устав ДУМЕС, учитывавший произошедшие за последние годы изменения³. По принятому уставу ДУМЕС переименовывалось в Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), однако официально это название вступило в силу только 6 марта 1994 года, когда новый устав ДУМЕС прошел регистрацию в Министерстве юстиции. VI съезд ДУМЕС сплотил сторонников Таджуддина, которые решительно отказались признать легитимность новых муфтиятов и сузить зону юрисдикции ДУМЕС¹¹¹.

Между тем прогрессирующий раскол коснулся уже и новых муфтиятов. 8 ноября 1992 года на II съезде ДУМ РБ вторая жена Нафигуллы Аширова с группой мусульманских активистов спровоцировала скандал, представив прозвучавшую самокритику председателя ДУМ Республики Башкортостан муфтия Нурмухаммада Нигматуллина как свидетельство его профессиональной непригодности, и предложила избрать новым муфтием своего мужа. Такая неожиданная инициатива не нашла понимания у делегатов съезда и возмутительниц спокойствия вывели из зала, однако неудача не смутила чету Ашировых. В дальнейшем Нафигулла Аширов предпринял еще несколько попыток захватить власть в ДУМ РБ, предложив, в частности, создать Зауральское ДУМ на базе общин зауральской Башкирии и Курганской области. Этот проект, в случае его успешной реализации, привел бы к фактическому упразднению ДУМ РБ, большая часть общин которого была сосредоточена именно в юго-восточных районах Башкортостана.

Сомнительные инициативы Аширова долго прощались ему за бескомпромиссную борьбу с ДУМЕС, однако в конце концов терпение Нигматуллина лопнуло. В 1994 году Аширов был вынужден оставить должность первого заместителя председателя ДУМ РБ и надолго покинуть Уфу¹¹².

³ Формально новый устав был предложен на обсуждение еще на V съезде ДУМЕС, однако внесенные на VI съезде изменения носили принципиальный характер, так как учитывали развал Советского Союза и начавшийся раскол ДУМЕС

3. Новая попытка переворота в ЦДУМ – осенний кризис 1994 года

1994 год принес в татаро-башкирскую умму новые серьезные потрясения. Интенсивный процесс передела сфер влияния между духовными управлениями не ослабевал. В январе 1994 года в составе ДУМЕС было создано ДУМ Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР или Московский муфтият) с центром в Москве. Его председателем в духовном звании муфтия стал имам-муктасиб Равиль Гайнутдин, который на словах сохранял лояльность Талгату Таджуддину, однако на деле давно предал своего учителя¹¹³. Особый статус, приданный Московскому муфтияту, подразумевал, что это он будет исполнять функции полномочного представительства ДУМЕС в Москве, но реально новая структура оказалась полнотью автономной¹¹⁴. «Муфтият является полностью самостоятельной религиозной организацией, его каноническая территория охватывает Московскую, Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Тульскую, Тверскую, Нижегородскую, Калужскую, Ярославскую, Калининградскую области, город Сочи Краснодарского края», – откровенно заявлял Равиль Гайнутдин¹¹⁵.

К этому моменту в Москве появились и враждебные ЦДУМ структуры, центральной из которых стала община возвращенной мусульманам Исторической мечети. Эту общину возглавил деятельный имам Махмуд Велитов, который совместно с семьей мусульманских лидеров из Оренбургской области – братьями Тагиром, Исмаилом и Мансуром Шангареевыми в начале 1994 года создал собственный муфтият, получивший название ДУМ «Ассоциация мечетей». Вскоре под его эгидой были образованы Региональное ДУМ Ульяновска и Ульяновской области и ДУМ Оренбургской области – Бугурусланский муфтият, которые возглавили соответственно муфтии Тагир и Исмаил Шангареевы. Новые муфтияты немедленно вступили в борьбу с лояльными ДУМЕС общинами, чем привнесли раскол в региональные уммы Ульяновской и Оренбургской областей¹¹⁶.

6 марта новый устав ДУМЕС, принятый на VI чрезвычайном съезде, был зарегистрирован в Министерстве юстиции. С этого момента ДУМЕС официально стало именоваться Центральным духовным управлением мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), а его председатель Талгат Таджуддин получил пожизненный титул верховного муфтия. 3 мая, согласно новым положениям устава ЦДУМ., было принято решение о преобразовании большинства муктасибатов ЦДУМ⁴ в региональные духовные управления мусульман (РДУМ) и присвоении их главам духовного звания «муфтий»¹¹⁷. Такая реформа намечалась еще в 1992 году и была призвана уравнивать по статусу региональные подразделения ЦДУМ с муфтиятами – членами ВКЦДУМР, которые нередко пользовались преимуществом только по причине более высоких титулов своих председателей¹¹⁸.

На начало осени 1994 года пришлось новое обострение отношений между ДУМ РБ и ЦДУМ. 21 сентября на III съезде ДУМ РБ были вновь озвучены претензии этой структуры на недвижимое имущество ЦДУМ. На этот раз сторонники Нурмахаммада Нигматуллина оказались настроены более решительно, что подтвердило и МВД Республики Башкортостан, за пять дней до съезда сообщившее Талгату Таджуддину о готовящемся захвате его резиденции¹¹⁹. Верховный муфтий призвал своих сторонников прибыть в Уфу для своей защиты и разослал всем дружественным ЦДУМ организациям телеграммы с просьбой о помощи.

В действительности же более опасной для ЦДУМ оказалась не внешняя, а внутренняя угроза. 27 октября по инициативе ответственного секретаря ЦДУМ Замира Хайруллина и ряда

⁴ Реформа не затронула только башкортостанские муктасибаты ЦДУМ., а татарстанские Казанский и Зеленодольский муктасибаты были объединены и преобразованы в Региональное ДУМ Татарстана с центром в Зеленодольске.

его соратников, по традиции названных «инициативной группой», на частной квартире был созван Чрезвычайный расширенный пленум ЦДУМ., который сместил с занимаемого поста председателя ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина и определил дату VII чрезвычайного съезда ЦДУМ. Исполняющим обязанности муфтия был избран Замир Хайруллин¹²⁰.

1 ноября сторонники Хайруллина провели в Уфе съезд, названный ими VII чрезвычайным съездом ЦДУМ. Для его созыва они воспользовались своим служебным положением, разослав приглашения на бланках ЦДУМ., что позволило собрать достаточное для кворума количество делегатов. Чрезвычайный съезд избрал новым председателем ЦДУМ Замира Хайруллина и внес существенные изменения в устав ЦДУМ., в частности, исключив из него пункт о пожизненном звании верховного муфтия¹²¹.

Ситуация, сложившаяся после этого съезда, оказалась для председателя ЦДУМ значительно более опасной, нежели всплеск центробежных устремлений двухлетней давности. Впервые была оспорена его легитимность как председателя ЦДУМ., причем оспорена в результате внутреннего переворота и с соблюдением большинства необходимых формальностей. Характерно также, что решения чрезвычайного съезда горячо приветствовали сторонники ДУМ РБ и всего ВКЦДУМР, выразившие желание при необходимости поддержать «инициативную группу» не только морально, но и физически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.